

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

№ № 1-15

226-е по 240-е заседания

6 января - 4 февраля 1948 года

Нью-Йорк

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Двести двадцать шестое заседание	
1. Предварительная повестка дня	1
2. Доклады Генерального Секретаря о полномочиях представителей Аргентины и Канады в Совете Безопасности	1
3. Приветственное слово Председателя, обращенное к трем новым членам Совета Безопасности	1
4. Утверждение повестки дня	2
5. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире	2
Двести двадцать седьмое заседание	
6. Предварительная повестка дня	4
7. Доклады Генерального Секретаря относительно полномочий представителей Канады, Соединенного Королевства и Украинской Советской Социалистической Республики	4
8. Утверждение повестки дня	5
9. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	5
Двести двадцать восьмое заседание	
10. Предварительная повестка дня	18
11. Утверждение повестки дня	18
12. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	18
Двести двадцать девятое заседание	
13. Предварительная повестка дня	45
14. Утверждение повестки дня	45
15. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	45
16. Каблограмма председателя Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу от 17 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности	64
Двести тридцатое заседание	
17. Предварительная повестка дня	64
18. Утверждение повестки дня	64
19. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	64
Двести тридцать первое заседание	
20. Предварительная повестка дня	72
21. Утверждение повестки дня	72
22. Обсуждение индо-пакистанского вопроса	82
Двести тридцать второе заседание	
23. Предварительная повестка дня	85
24. Утверждение повестки дня	85
25. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	85

	Стр.
Двести тридцать третье заседание	
26. Официальное сообщение	103
Двести тридцать четвертое заседание	
27. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	105
Двести тридцать пятое заседание	
28. Предварительная повестка дня	116
29. Утверждение повестки дня	116
30. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	116
Двести тридцать шестое заседание	
31. Предварительная повестка дня	136
32. Утверждение повестки дня	136
33. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	136
Двести тридцать седьмое заседание	
34. Предварительная повестка дня	146
35. Утверждение повестки дня	146
36. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	146
Двести тридцать восьмое заседание	
37. Предварительная повестка дня	156
38. Чествование памяти Мохандаса К. Ганди	157
Двести тридцать девятое заседание	
39. Предварительная повестка дня	161
40. Утверждение повестки дня	161
41. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	161
Двести сороковое заседание	
42. Предварительная повестка дня	181
43. Утверждение повестки дня	181
44. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	181

этих письмах кандидатах. Некоторые постоянные члены Совета Безопасности заявили, однако, что они еще не в состоянии обсуждать новых кандидатов.

После непродолжительного обсуждения, Совет Безопасности, по предложению представителя

(Начало сноски 2 см. на стр. 104.)

ном вопросе как свидетельствующую о полном отсутствии какого бы то ни было желания прийти к соглашению по вопросу о кандидатуре на должность губернатора, причем выставление Италией кандидатур носило чисто формальный характер и преследовало цели снятия с себя ответственности за провал переговоров.

Ввиду этого, правительство Югославской Федеративной Народной Республики считает, что все дальнейшие усилия, направленные на совместное выдвижение кандидатов на

Сирии, постановил предложить постоянным членам Совета вновь посовещаться по данному вопросу на следующей неделе, и для обсуждения его созвать другое заседание Совета Безопасности возможно скорее».

должность губернатора, нецелесообразны и что дальнейшие переговоры с итальянским правительством по этому вопросу только затянут вопрос о назначении губернатора, в то время как этот вопрос весьма срочный и решение его необходимо в интересах Свободной Территории Триест и дела защиты всеобщего мира.

Правительство Югославской Федеративной Народной Республики пользуется случаем, чтобы выразить Совету Безопасности свое глубокое уважение.

Белград, 12 января 1948 года.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница 23 января 1948 года, 4 часа дня Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель: Г-н Ф. ван-ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия)

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Франции.

Повестка дня та же, что и повестка дня 232-го заседания (S/Agenda 232).

27. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)

По приглашению Председателя представитель Индии г-н М. С. Сеталвад и представитель Пакистана сэр Мохаммед Зафрулла-хан занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Слово предоставляется представителю Индии для того, чтобы он продолжал свое заявление; при этом будет применяться система одновременных переводов.

С этого момента Совет Безопасности переходит на систему одновременных переводов.

Г-н СЕТАЛЬВАД (Индия) (говорит по-английски): Я хочу внести исправление в отношении указанной мной Совету Безопасности даты, которая, как это отметил представитель Пакистана, является неправильной. Я заявил Совету Безопасности, что сообщение г-на Тара Синга было сделано в апреле месяце 1947 года. Представитель Пакистана заметил, что правильной датой является февраль 1947 года, и я согласен с этим исправлением.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (говорит по-английски): Я также указал, для сведения представителя Индии, на тот факт, что это имело место задолго до того, как сикхи и индусы стали подвергаться в Пенджабе притеснениям или дурному обращению.

Г-н СЕТАЛЬВАД (Индия) (говорит по-английски): Представитель Пакистана действительно заявил, что это имело место еще задолго до того, как сикхи и индусы стали подвергаться

в Пенджабе притеснениям или дурному обращению. Я не согласен с этим заявлением.

В связи со всеми событиями, которые были изложены либо мной, либо представителем Пакистана, необходимо иметь в виду тот факт, что до своего раздела Индия всецело управлялась одним центральным правительством. В результате существования такого единого правительства в индийском народе укоренились на протяжении целого ряда лет некоторые определенные идеи. Мысль об отделении, мысль о разделе страны возникла только за несколько лет до фактического осуществления этого раздела. Несомненно эта мысль явилась полной неожиданностью для многих жителей этой страны. Раздел был окончательно проведен в жизнь на основании соглашения между двумя политическими партиями этой страны. Однако в народе это вызвало большое раздражение, и поэтому неудивительно, ввиду только что описанной мной ситуации, что произошел такой огромный переворот. События, упомянутые мною сегодня утром и охарактеризованные представителем Пакистана, составляют по существу часть этого великого переворота. Этот переворот не является неестественным, принимая во внимание условия, в которых должен был произойти раздел страны, находившейся в течение целого столетия под управлением одного унитарного правительства.

Если принять во внимание эти события, то становится понятным сам факт этого переворота и его значение. Можно также сказать, что, с учетом проблемы, связанной с переселением огромных масс населения из одной части страны в другую, имевшие место беспорядки не являются в действительности такими значительными и что переселение в целом прошло весьма удовлетворительно. Я говорю об этом, имея в виду не только мое правительство, но также и правительство Пакистана.

В этой связи лорд Маунтбаттен, как это сообщалось в лондонской газете The Times от 15 ноября 1947 года, заявил, что события в Индии должны рассматриваться в правильной перспективе;

«Он заявил, что он не собирается преуменьшать значение и размер беспорядков и испытываемых индийским народом страданий, но что число пострадавших людей в тех районах Индии, где имели место эти беспорядки, не могло превышать 10 или 12 миллионов из общей численности населения этого субконтинента, достигающего 400 миллионов человек. В действительности 97 процентов этого населения живет в мире и ведет нормальный образ жизни в условиях недавно обретенной свободы.

Имевшие место массовые убийства были несомненно ужасными — было бы неразумно утверждать обратное; сейчас подсчитывается общее число пострадавших людей. Лорд Маунтбаттен надеется, что эти цифровые данные будут впоследствии опубликованы, и полагает, что они не только будут значительно ниже тех, которые намечались согласно предположениям, но что, кроме того, они будут незначительными по сравнению с некоторыми из приведенных уже цифр».

Такова картина положения во всей стране, если ее рассматривать в правильной перспективе, несмотря на последующие события, о которых я уже упоминал. Когда я говорю «всей страны», я имею в виду страну в том виде, в каком она была раньше, т. е. с населением, входящем теперь в состав обоих доминионов.

Сейчас я предлагаю перейти к рассмотрению положения в Джамму и Кашмире и рассмотреть это положение в правильной перспективе, так как это и является фактически вопросом, стоящим на обсуждении Совета Безопасности. Как об этом было уже сообщено членам Совета, Кашмир управляется индусским магараджей, который пользовался неограниченной властью, если не считать содействия, оказанного ему собранием, которое, как я полагаю, являлось отчасти законодательным. Как и многие другие правители индийских государств, пользующиеся абсолютной властью, он применял много устарелых законов. Некоторые из них были упомянуты представителем Пакистана, а именно, чрезмерно строгое наказание за убийство коров, законы, дающие в известных случаях право принуждать отдельных лиц к работе и т. п. Я хочу лишь отметить, что эти законы не являются чем-то необычным для индийского княжества Джамму и Кашмир. Эти или подобные им законы существуют также и в других индийских государствах, управляемых аналогичным образом.

В этом княжестве народное движение за установление свободы печати, за учреждение народного законодательного органа и за проведение других реформ началось еще в 1931 году или 1932 году. Это движение возглавлялось шейхом Мухамедом Абдуллой. С этого момента, т. е. с 1931-1932 гг. шейх Абдулла становится лидером движения, называемого «народным движением» в Джамму и Кашмире. Упомянутые мною реформы были результатом этого движения. Они были проведены в 1936 году или приблизительно в это время.

В 1938 году была создана Национальная конференция, которую возглавил шейх Абдулла. Эта Национальная конференция являлась представительницей национального движения народа Кашмира. В состав Национальной конференции

входили не только огромные массы мусульман, но также индусы и сикхи, населяющие Кашмир. Шейх Абдулла и возглавляемое им движение, Национальная конференция, не только поощряли политический прогресс княжества, но также улучшение социальных и культурно-просветительных условий в этом княжестве. Естественно, что еще раз возник конфликт между шейхом и княжеством. В общей сложности шейх Абдулла был приговорен к тюремному заключению семь раз и около четырех с половиной лет провел в тюремном заключении в княжестве Джамму и Кашмир.

Шейх Абдулла был инициатором движения, в котором участвовали мусульмане, сикхи и индусы, которые так же как и он, не подчинялись некоторым несправедливым законам. Эти мусульмане, сикхи и индусы были арестованы и вместе с шейхом Абдуллой заключены в тюрьму.

В мае 1946 года шейх Абдулла обратился с воззванием, которое называлось «Требование покинуть Кашмир». Это требование сводилось к тому, что магарадже предлагалось покинуть Кашмир и предоставить управление княжеством народу, который установил бы демократическую форму правления. В результате вышеуказанного требования шейх Абдулла должен был предстать перед государственным судом, был обвинен, насколько я знаю, в призыве к бунту и приговорен к девяти годам сурового тюремного заключения. Это произошло в мае 1946 года.

В этом княжестве существовал и все еще существует другой орган, называемый «Мусульманская конференция». Эта Конференция в основном представляет идеологию Мусульманской лиги. Она зиждилась на гипотезе, что княжество должно быть организовано на основе, на которой мусульмане требовали организовать индийское государство. Членский состав Мусульманской конференции ограничивался мусульманами.

В январе 1947 года состоялся ряд выборов. Ввиду того что лидер Национальной конференции шейх Абдулла был заключен в тюрьму, Национальная конференция и все ее сторонники бойкотировали выборы, которые происходили в Кашмире. Шейх Абдулла имел настолько большое число сторонников, что, несмотря на то что Мусульманская конференция участвовала в выборах, из общего числа избирателей в 600 000 человек на выборы явилось всего только около 200 000 человек. Я привожу эти цифры, чтобы показать, что движение, которое возглавлялось шейхом Абдуллой, было и все еще остается весьма популярным движением.

Было бы важно и уместно охарактеризовать условия, существовавшие в самом Кашмире в тот период, когда в прилегающих к нему районах Западного и Восточного Пенджаба имели место беспорядки, о которых уже докладывалось в Совете Безопасности. Члены Совета Безопасности вспомнят, — это указано на карте, — что Джамму и Кашмир прилегает на большом протяжении к Западному Пенджабу и на очень небольшом протяжении — к Восточному Пенджабу. Беспорядки, которые происходили в обеих провинциях, вызвали, как об этом уже было сообщено членам Совета, передвижение огромных масс беженцев из одного направления в другое. Некоторые из этих беженцев направлялись в княжество Джам-

му и Кашмир. Они перешли границу этого княжества. Эти беженцы оставались в вышеупомянутом княжестве, а об их существовании заботилась главным образом упомянутая мною Национальная конференция. Хотя ее лидер и находился в тюрьме, эта конференция продолжала быть активной. Несмотря на то, что в соседних районах Восточного и Западного Пенджаба происходили серьезные волнения, в самом Кашмире наблюдалось полное спокойствие.

В Кашмире скопилось большое число беженцев как сикхов, так и мусульман. Мусульманские беженцы на пути из Восточного Пенджаба в Западный Пенджаб пересекали некоторые районы княжества Джамму и Кашмир. Таким образом княжество Джамму и Кашмир служило как бы дорогой, по которой проходили беженцы. Несмотря на это в Кашмире продолжало царить спокойствие. Это весьма существенно, так как представитель Пакистана намекал на то, что кашмирские мусульмане находятся под угрозой уничтожения. Такова картина, которую, как я утверждаю, пытались представить Совету в совершенно неправильном свете. В то время, когда Восточный и Западный Пенджаб были охвачены пламенем страстей и волнений, вызываемых религиозными общинами, в Кашмире не наблюдалось никаких беспорядков.

Как-то в августе 1947 года были сделаны попытки разжечь страсти в Кашмире. При этом применялись некоторые знакомые методы, которые уже ранее применялись в Северо-западной пограничной провинции и в других местах. Некоторые мусульманские лидеры были посланы в различные районы Кашмира и появлялись там повсюду с целью настроить мусульман против сикхов и индусов Кашмира. В Кашмир были также посланы некоторые религиозные проповедники, которые проповедывали религиозную ненависть и пытались настроить одни религиозные общины против других. Они были агентами организации, которая верила в то, что государство должно быть основано на религии.

История этого вопроса не ограничивается только этими видами деятельности. В начале сентября 1947 года имели место набеги, производимые из Западного Пенджаба на провинцию Джамму, с которой он граничит. Эти набеги совершались мусульманами Западного Пенджаба, организованными заинтересованными партиями. При этом было сожжено около 95 деревень, расположенных вдоль границы на территории Джамму и Кашмира. Большое число сикхов и индусов подверглось нападению, причем некоторые из них были убиты и ограблены. Даже войска княжества подверглись нападению. Это и были те действия, которые мы называем еще одной попыткой разжечь страсти в княжестве Джамму и Кашмир.

Третья фаза заключалась в тщательно рассчитанной подготовке — я намеренно прибегаю к этому выражению, так как это было подготовлено извне — к восстанию в районе Пунча, опять-таки вызываемому упомянутой мною пропагандой. По мнению моей делегации все эти виды деятельности были рассчитаны на то, чтобы вызвать беспорядки в Кашмире, в котором в то время еще поддерживался мир.

Другим аспектом этого вопроса и, быть может, указанием на то, откуда велась вся эта деятельность, является позиция, которую занимало пакистанское правительство по отношению к Кашмиру. Этот вопрос уже был освещен в докладе, представленном моим правительством по вопросу о Джамму и Кашмире [документ S/628], и я не собираюсь ничего повторять из того, что было уже сказано в этом докладе. Мы утверждаем, что была сделана попытка, путем нарушения экономической жизни и создания ряда затруднений в деле снабжения, оказать на Кашмир давление и заставить его присоединиться к Пакистану. По нашему мнению упомянутая мною деятельность, а именно набеги, экономический нажим и пропаганда, является частью одного и того же плана, направленного на то, чтобы принудить Кашмир присоединиться к Пакистану. В этот план входит также восстание в Пунче, о котором я уже упомянул. Следует вспомнить, что Пунч прилегает к Западному Пенджабу, и восстание было спровоцировано и поощрялось мусульманскими лидерами в Пенджабе. Однако вплоть до конца сентября 1947 года, за исключением отдельных случаев убийств индусов и сикхов, совершенных мусульманами во время упомянутых мною набегов, никаких беспорядков не наблюдалось, и нет никакого основания утверждать, что раджской договор или самими дограми применялись какие-либо меры для притеснения мусульман.

В конце сентября 1947 года некоторыми лидерами была создана такая ситуация в княжестве, которая заставила магараджу освободить шейха Абдуллу, несмотря на то, что последний в течение всех этих месяцев находился в тюрьме; он был освобожден 29 сентября 1947 года.

Вскоре после своего освобождения шейх Абдулла сформулировал свою точку зрения в вопросе о том, какую позицию должно занять княжество. Он придерживался и все еще придерживается той точки зрения, что необходимо выяснить пожелания населения относительно присоединения к тому или иному из доминионов, и если население желает присоединиться к одному из доминионов, то выяснить — к какому из них. Эту точку зрения шейх Абдулла открыто высказал вскоре после своего освобождения. Я зачитаю заявление, напечатанное в *People's Age* от 26 октября 1947 года. Вот что сказал шейх Абдулла:

«Кашмир должен, в качестве одной политической единицы, управляться совместно всеми религиозными общинами. Наше первое требование состоит в том, чтобы власть была полностью передана народу Кашмира. Представители всего народа в демократическом Кашмире в этом случае решат, должно ли это княжество присоединиться к Индии или Пакистану.

Если княжество, вопреки воле четырех миллионов населения Джамму и Кашмира, объявит о своем присоединении к Индии или Пакистану, то я подниму знамя восстания, и мы будем готовы к борьбе.

Мы предпочтем естественно тот доминион, в котором наше требование о предоставлении нам свободы получить признание и будет поддержано. Мы не можем желать нашего присоединения к тем, кто считает, что народ не должен

иметь права голоса в данном вопросе. Мы скорее дадим разрубить себя на куски, чем допустим союз между нашим княжеством и такого рода людьми.

По крайней мере 3 миллиона мусульман в княжестве Джамму и Кашмир не собираются жертвовать собой ради одного набоба Бопала или одного низама Хайдарабада, интересы которых Мусульманская лига пытается защитить путем проведения политики, направленной против народа.

Я даю индусам и сикхам заверение в том, что до тех пор, пока я жив, их жизнь и честь будут спасены и будут полностью охраняться.

В этот момент национального кризиса Кашмир должен указать правильный путь. Мы видим, как вокруг нас разворачивается трагедия, трагедия убийства одного брата другим. В настоящее время Кашмир должен выступить вперед и поднять знамя индусско-мусульманского единства.

Мы хотим, чтобы в Кашмире было создано народное правительство. Мы хотим иметь такое правительство, которое предоставит равные права и возможности всем людям, независимо от их касты или вероисповедания. Кашмирское правительство не должно быть правительством какой-либо одной религиозной общины. Оно должно быть единым правительством индусов, сикхов и мусульман. Это то, за что я веду борьбу.

Эта речь была произнесена на митинге, который состоялся в Хазарибаге 5 октября и на котором присутствовало 100 000 человек. Хазарибаг — один из населенных пунктов Кашмира.

События, имевшие на самом деле место в связи с присоединением, излагаются в сообщении от 10 декабря 1947 года, из которого видно, что шейх Абдулла или его представители действительно вошли в контакт с правительством Пакистана или с некоторыми отдельными лицами в Пакистане с целью выяснения вопроса о том, согласен ли правительство Пакистана позволить населению Кашмира самому сделать выбор, а также видно, что если правительство Пакистана на это согласилось бы, то они, со своей стороны, ничего не имели бы против такого решения.

В этой связи я сошлюсь на сообщение от 10 декабря 1947 года, содержащее заявление исполняющего обязанности главы администрации княжества Джамму и Кашмир гулама Мохаммеда Садика, сделанное им во время интервью. Отмечая попытки в прошлом урегулировать кашмирскую проблему мирным путем, гулам Мохаммед Садик заявил по этому вопросу следующее:

«До совершения набега Национальная конференция» — т. е. движение, представляемое шейхом Абдуллой — «поручила мне войти в контакт с высшими должностными лицами пакистанского правительства и потребовать от них признания демократических прав кашмирского народа на самоопределение, а также потребовать от них, чтобы они твердо соблюдали принцип уважения суверенной воли свободного народа в вопросе добровольного присоединения его к любому из доминионов. Я встретился с премьер-министром Пакистана и другими министрами, но это оказалось бесполезным. В результате мы видим, что проводится план, рассчитанный на то,

чтобы сначала поработить народ, а затем заручиться его поддержкой в пользу правительства».

На заданный Мохаммеду Садику во время интервью вопрос о том, какие неотложные проблемы стоят в настоящее время перед кашмирской администрацией, он заявил: «Разумеется не проведение референдума, а предоставление немедленной помощи нашему народу. Фактически мы выполняем с чрезвычайной быстротой двустороннюю задачу возвращения к нормальной жизни несчастных жертв пакистанской агрессии и обеспечения их продовольствием и одеждой.

Пакистанские пропагандисты, которые делают вид, что они обеспокоены судьбой своих мусульманских собратьев в Кашмире, притесняемых дограми, пытаются уморить их голодом, объявив блокаду на все продукты экспорта и импорта в течение последних пяти месяцев».

Это наглядно показывает, какую позицию заняло представляемое шейхом Абдуллой движение. Эта позиция, являющаяся по общему признанию правильной позицией, заключается в том, что решение вопроса о присоединении Кашмира должно быть предоставлено кашмирскому народу. Однако такая позиция, как это видно из только что зачитанного мною отчета об имевшем место интервью, не является той позицией, с которой правительство Пакистана склонно согласиться. Задуманный план состоял в том, чтобы по возможности принудить Кашмир согласиться на присоединение к Пакистану. Дело обстояло следующим образом: Пакистан должен был оказать огромное давление и еще больше усилить свою политику принуждения, которую, по нашему мнению, он собирался проводить путем предоставления горным племенам права прохода через его территорию, о чем я уже говорил.

Так произошло вторжение в Кашмир 22 октября 1947 года. Оно началось с нападения на одну из местностей в Кашмире, называемую Музаффарбад. Чрезвычайно важно иметь в виду тот факт, что до начала набега 22 октября 1947 года, т. е. набега горных племен — случаев убийств со стороны догров не наблюдалось. Членам Совета неоднократно говорилось, что догры убивали мусульман и что именно из-за убийств мусульман горные племена — их братья — вернулись с границы. Это совершенно неправильная картина создавшегося положения. У нас нет никаких фактов, которые указывали бы на то, что кто-либо из мусульман был убит в Кашмирском княжестве сикхами или индусами или даже магараджей или его дограми до 22 октября, когда горные племена совершили набег и проникли на кашмирскую территорию. Я утверждаю, что этот главный и важный факт подрывает в самой основе все то, что правительство Пакистана пытается представить Совету Безопасности. Поскольку до начала вторжения никаких убийств не было совершено дограми, не может быть вопроса о вторгшихся горцах, которые якобы спешили на помощь своим несчастным братьям в Кашмире.

В газете Dawn, издаваемой Мусульманской лигой и являющейся ее главным печатным органом, было опубликовано заявление шейха Абдуллы, в котором он изложил свою точку зрения в вопросе о присоединении.

«Шейх Абдулла, который сегодня выехал в Сринагар, в своем заявлении заявил, что Кашмир находится в огромной опасности и что первым долгом каждого кашмирца является защита его родины против захватчиков. Он заявил, что вторжение в Кашмир было рассчитано на то, чтобы заставить и вынудить народ Кашмира действовать определенным образом, а именно заставить его согласиться на присоединение к Пакистану. Каждый кашмирец, заявил он, негодует по поводу такого насилия над его волей. Наша любимая и прекрасная родина, Кашмир, находится в большой опасности, продолжал он, и в этот критический момент долг каждого кашмирца, независимо от того, является ли он мусульманином, индусом или сикхом, — всемерно защищать ее. Те, кто отвечают за оборону Кашмира, не оправдали наших надежд, и поэтому ответственность ложится на кашмирский народ.

Шейх Абдулла далее заявил, что Кашмирская национальная конференция отстаивала создание в государстве ответственного правительства под эгидой Его Высочества магараджи. Даже вопрос о присоединении к Индии или Пакистану или какой-либо другой вопрос о будущем Кашмира должен, как мы уже заявляли, решаться после того, как будут произведены эти основные конституционные изменения в нашем государстве. Многие из влиятельных членов Национальной конференции придерживались того мнения, что присоединение к Индийскому союзу выгодно нашему государству как по политическим, так и по экономическим соображениям. Экономически Кашмир зависит, с точки зрения его рынка, гораздо больше от Индии, чем от Пакистана. Когда я вышел из тюрьмы четыре недели тому назад, мне понадобилось некоторое время, чтобы ознакомиться с ситуацией и проконсультироваться с моими коллегами. Во время моего тюремного заключения в Индии произошли жизненно важные перемены и возникла новая ситуация. Произошел ряд событий, в результате которых много миллионов людей оказалось в несчастном и бедственном положении. Поэтому нам необходимо было весьма тщательно рассмотреть создавшуюся ситуацию и принять такое решение, которое поставило бы Кашмир в выгодное положение и которое отвечало бы интересам наибольшей части кашмирского народа.

Поэтому я рекомендовал моему народу не принимать немедленного решения по вопросу о присоединении и отметил, что в первую очередь необходимо переработать конституцию в целях создания ответственного правительства. После этого может быть решен вопрос о будущих взаимоотношениях Кашмира с Индией и Пакистаном. Однако события быстро развивались. Вскоре после моего освобождения до меня дошли слухи о ведущихся вдоль западных границ Кашмира приготовлениях к какому-то вторжению или набегу. Вооруженные отряды проникли на территорию нашего государства, и во многих местах произошли вооруженные столкновения.

Я обращаюсь ко всем свободолюбивым жителям Индии и Пакистана в этот час испытаний, призывая их стать на сторону кашмирского народа и осудить тех, кто вторгся на нашу территорию, чтобы принести несчастье и горе нашей стране».

Такова фактическая обстановка, которая сложилась в связи с присоединением Кашмира к Индийскому союзу. Я должен был бы упомянуть для сведения членов Совета о событиях, которые последовали после набега на Музаффарабад 22 октября. Налетчики, причиняя несчастье и страдания, о которых я уже говорил сегодня утром, подошли к Барамуле и проникли еще дальше, причем они дошли до местности, расположенной в нескольких милях от главного города княжества, Сринагара. Именно тогда, в условиях огромной опасности, в которой находилось княжество, шейху Абдулле и его партии нужно было время, чтобы наметить дальнейший курс в отношении действий, которые следовало предпринять в Кашмире. Кашмирскому народу угрожала опасность насильственного захвата, который был бы фактически осуществлен путем принуждения этого княжества к объединению с Пакистаном или присоединению к нему. Кашмирский народ не имел другого выхода, он должен был защищать свое государство против вторжения и прибегнуть к этой цели к какой-то помощи извне.

Именно в этот момент и при этих условиях княжество приняло решение причем — говоря «княжество» я имею в виду не только магараджу, но также народного лидера шейха Абдуллу — о присоединении к Индийскому союзу, чтобы спасти себя от грозившей ему большой опасности.

По существу это было именно тем шагом, который спас княжество и его главный город от вторжения и грабежей. В противном случае этот город постигла бы та же судьба, которая постигла Барамулу за несколько дней до 26 октября.

Таков ход происшедших на самом деле событий, доведенных до сведения Совета Безопасности в различных жалобах и докладах, рассмотрением которых занят Совет. Утверждалось, что присоединение носило обманный характер. Утверждалось, что это присоединение произошло насильственным путем. Можно употреблять любые слова. Как бы сильны ни были те или иные выражения, манипулировать ими весьма легко. Но было ли Совету Безопасности представлено какое-либо доказательство относительно того, что имел место какой-то обман? Это очень серьезное обвинение. Учитывая условия, в которых было сделано это обвинение, я считаю, что обращение к Совету Безопасности с просьбой дать заключение о том, что присоединение носило обманный характер, почти является оскорблением. Я прошу Совет Безопасности оставить пока что в стороне все сказанное мною и обратить внимание на то, что было сказано представителем Пакистана. Даже в заявлениях представителя Пакистана нет ничего такого, что указывало бы на какой-либо обман в вопросе присоединения. Даже если признать заявления, сделанные представителем Пакистана правильными, все же не может быть и речи о каком-то обмане, а тем более о насилии, которое якобы применялось при решении вопроса о присоединении.

Нет никаких доказательств, что индийские войска или индийское правительство еще до присоединения вмешивались в дела Кашмира, что они принуждали к чему-либо Кашмир, открыто применяли какого-либо рода насилие или предприняли какие-либо резкие шаги против Кашми-

ра. Я снова заявляю, что такое утверждение является совершенно необоснованным и что оно не подтверждается никакими существенными доказательствами. Однако в известном смысле правильно утверждать, что присоединение Кашмира к Индийскому Союзу произошло путем насилия. Однако такое насилие применялось не Индийским Союзом, а при содействии и потворстве пакистанского правительства. Пакистанское правительство поощряло набеги, помогало повстанцам в Кашмире, предоставило право прохода налетчикам и разрешало совершать насилие и грабежи в княжестве. Именно это насилие, поощрявшееся Пакистаном, насилие, в котором он принимал участие, и заставило Кашмир, нуждавшийся в некотором времени для определения своей позиции, присоединиться к Индийскому союзу.

В этом смысле несомненно верно то, что применяемые Пакистаном насильственные меры привели к присоединению Кашмира к Индийскому Союзу. Но я возьму на себя смелость заявить, что мое правительство действовало в данном случае совершенно открыто. Только тогда, когда правитель Кашмира и народный лидер Кашмира обратились к индийскому правительству за помощью во время описанного мною критического положения, индийское правительство заявило — и я считаю, что это заявление было правильным — что оно не может вмешиваться в кашмирский вопрос до тех пор, пока это княжество не станет частью индийской территории, что могло произойти только в том случае, если бы Кашмир присоединился к Индийскому союзу. Кашмир, приняв это условие и учитывая опасность, в которой он находился, предложил присоединиться к Индийскому Союзу — причем предложение исходило не только от правителя государства, но также и от народного лидера. Несмотря на то, что эта просьба исходила от обоих этих лиц, индийское правительство проявило осторожность, оговорив, что оно согласно на присоединение только на том условии, чтобы позднее, когда будет восстановлен мир, были должным образом выявлены пожелания народа в этом вопросе. На этом условии, и только на этом условии, индийское правительство согласилось на присоединение. То, что было поставлено такое условие, можно видеть из корреспонденции, которая уже зачитывалась в Совете Безопасности и которая составляет часть документации, находящейся в распоряжении Совета Безопасности. Таким образом может ли кто-либо хотя бы на момент предположить, что имели место какая-либо тайная сделка, какой-либо обман, что-либо неправильное в вопросе присоединения Кашмира к Индийскому Союзу?

Как уже известно всем членам Совета Безопасности, 26 ноября, уже после присоединения, индийские войска вошли в Кашмир, причем первые войска прибыли на самолетах 27 октября 1947 года. Они вступили в бой, отбросили налетчиков на некоторое расстояние, вплоть до Ури, а затем оттеснили их еще дальше. Однако сложилась следующая ситуация: то, что совершили налетчики в различных частях территории Кашмира и что уже было мною частично описано сегодня утром, вызвало чувство горечи и мести среди индусов и сикхов. Это чувство мести об-

острялось тем фактом, что налетчики были мусульманами, пришедшими с севера, которые грабили и опустошали дома, убивали мужчин и женщин. Именно это чувство мести и вызвало убийства, совершенные впервые в Кашмире индусами и сикхами 4 ноября 1947 года, примерно через неделю после набега. Это единственный случай, когда в Кашмире вообще имели место убийства.

Не нелепо ли поэтому утверждать, что эти убийства, имевшие место после набега, были, как уверяет представитель Пакистана, причиной набегов в Кашмире? Следующие обстоятельства сопровождали эти убийства. На транспорт мусульман, находящийся под охраной войск княжества, было совершено в Джамму нападение налетчиками из числа индусов и догров, и именно в результате этого нападения было убито большое число мусульман. Однако необходимо отметить, что этот транспорт находился под охраной войск княжества и что среди войск, конвоирующих этот транспорт, совершенно не было войск Индийского Союза; следовательно, Индийский Союз не нес никакой ответственности за безопасность этого транспорта.

По истечении двух дней, а именно 6 ноября 1947 г., прошла другая колонна мусульман, которую охраняли войска Индийского Союза. На этот транспорт, проходивший через Джамму, было снова совершено нападение. Это нападение было отбито индийскими войсками, причем было убито и ранено большое число напавших на этот транспорт индусов и сикхов.

В этой связи я зачитаю телеграмму премьер-министра Индии от 26 декабря 1947 года на имя премьер-министра Пакистана. Относящаяся к данному случаю часть этой телеграммы гласит:

«Я уже выразил Вам мое сожаление по поводу нападений на транспорты в районе Джамму, имевшие место 4 и 6 ноября. Индийская армия не имела к этому делу никакого отношения. Наоборот, она приняла самые серьезные меры против нападавших, причем было убито 150 человек, серьезно ранено 200 человек и арестовано 500 человек. С тех пор ситуация находится под полным контролем индийской армии, и не произошло никаких событий, имеющих характер тех событий, о которых Вы упоминаете. Поэтому Ваша телеграмма не имеет никакого отношения к фактам или к чему-либо такому, что произошло со времени действий войск Индийского Союза в Джамму. Жизнь мусульман в Джамму находится в полной безопасности».

Члены Совета Безопасности заметят, что, с тех пор как индийские войска вошли в Кашмир, за исключением этого одного описанного мною случая, имевшего место 4 ноября 1947 года, никаких эксцессов не было в отношении мусульман и что, следовательно, нельзя ни в чем обвинять ни Индийский Союз, ни его войска за их действия во время оккупации Кашмира для уже упомянутой мною цели. Фактически присутствие индийских войск в значительной степени способствовало предотвращению на кашмирской территории подобного рода действий, направленных против мусульман.

Наоборот, произошли события, которые показывали, что большие группы индусов и сикхов, вхо-

дившие в состав населения Кашмира, подверглись нападению и были уничтожены при содействии отчасти налетчиков из провинции Западного Пенджаба. 18 ноября 1947 года в небольшом городе Кашмира, носящем название Раджаури и расположенном вблизи границы Западного Пенджаба, налетчики совершили массовые убийства. Все население этого города, состоявшее из 12 000 индусов и сикхов, было полностью уничтожено. Я сошлюсь по этому поводу на статью с описанием этого события, напечатанную в *Hindustan Times* от 18 ноября 1947 года, причем сведения были переданы из Сринагара. В этой статье говорилось следующее:

«Раджаури был захвачен мусульманскими налетчиками из Пакистана при поддержке, примерно, 500 вооруженных мусульманских военных дезертиров кашмирских государственных войск... Все население, численностью примерно в 12 000 человек и состоявшее из индусов и сикхов, было уничтожено».

Вслед за этим, 25 ноября 1947 года, патанскими налетчиками из Западного Пенджаба было совершено нападение на Мирпур, расположенный на кашмирской территории. Из общего числа немусульманского населения в 13 000 человек было убито 2 000 человек.

В телеграмме премьер-министра Индии от 2 декабря 1947 года на имя премьер-министра Пакистана говорится следующее:

«Мною получены сведения, что город Мирпур полностью разрушен и что из общего числа немусульманского населения в 13 000 человек только 2 000 человек дошли до местности, находящейся на расстоянии пятнадцати миль от Джелума. Судьба этих беженцев, а также других 3 000 беженцев из остальной части района Мирпура, неизвестна, однако, имеются сведения, что патаны привели в район Джелума большое число похищенных ими индусских женщин. Патаны создают панику среди находящихся в этом районе групп немусульманских беженцев. Недавно, открыв беспорядочную стрельбу, они убили одного мараттского солдата».

Помимо упомянутых мною двух случаев массовых убийств следует упомянуть о находящемся также на территории Кашмира городе Бимбаре, который был полностью разграблен и разрушен. Таким образом представляется следующая картина: за исключением упомянутого мною события, имевшего место 4 ноября 1947 года, когда было совершено нападение на транспорт мусульман, случаев притеснения или убийства мусульман не наблюдалось, в то время как налетчики, помимо совершенного ими нападения на севере, о котором я говорил сегодня утром, на самой территории Кашмира грабили и убивали индусов и сикхов в уже упомянутых мною городах.

Шейх Мухамед Абдулла, о котором я уже говорил, все еще продолжал в этих трудных условиях добиваться восстановления мира и согласия в Кашмирском княжестве. Вот его слова, приведенные в статье, напечатанной в *Hindustan Times* от 24 ноября 1947 года и переданной из Джамму того же числа:

«Я всегда верил в то, что индусы, мусульмане и сикхи представляют собой одно целое.

Мы все индостанцы, и Индостан — наша страна. Я говорю об этом не для того, чтобы кому-либо угодить. Я твердо верю в эту истину. Я считал раздел страны вредным для нас всех. Некоторые мусульмане ругали меня за то, что я придерживаюсь этих взглядов, но это никогда не лишало меня присутствия духа. Крики «Zindabad»¹ нисколько не радуют меня, как и не печалят меня крики «Murdabad»². Тех мусульман, которые хотят установить в нашем государстве господство Ислама, я считаю изменниками, но и те индусы, которые хотят установить в нашей стране индусское господство, являются также врагами нашего государства и его правителя.

Если я и считаю, что мусульманская национальная гвардия представляет собой опасность для независимости Индии, ничто не может, однако, помешать мне говорить о том, что *Rashtriya Sangh*³ является в равной степени опасной. До тех пор, пока я жив, я не потерплю никакой организации, служащей интересам какой-либо одной религиозной общины. Я хотел бы, чтобы Его Высочество Магараджа управлял всем Джамму и Кашмиром, а не только провинцией Джамму».

Шейх Абдулла занял именно эту позицию и продолжал придерживаться этой позиции даже после всех беспорядков, имевших место в Кашмире в октябре и ноябре и уже описанных мною.

В статье специального корреспондента из Дели, напечатанной 29 октября 1947 года в английской газете *The Statesman*, издаваемой в Дели и Калькутте, говорится следующее:

«Шейх Мухамед Абдулла в настоящее время стоит во главе временного правительства государства. Этот пост он занял по приглашению магараджи Кашмира, несмотря на то, что в течение шестнадцати лет он выступал против его личного управления страной, причем в течение этого периода шейх Абдулла провел шесть лет в тюрьме. Современная политическая история Джамму и Кашмира отождествляется с историей жизни шейха Мухамеда Абдуллы. Начиная с 1931 года, он, больше чем кто-либо другой, отражал надежды и чаяния народа этого княжества. Он является героем, а также автором той политической драмы, которая разыгрывается на политической арене княжества с тех пор, когда он торжественно вступил на нее... Приход шейха к власти вызван его неуклонной верой в его миссию, личным достоинством и готовностью всегда пострадать за свои идеи. Шейх никогда не пользовался своим личным влиянием для достижения своих собственных целей. Жизненные проблемы самых низших слоев населения всегда вызвали в нем горячее участие. Проживающие в долине Кашмира его сторонники преклоняются перед ним в такой степени, что я видел, как некоторые из них целовали его следы».

Вот тот человек, который, помимо правителя этой страны, предложил Индийскому союзу, чтобы он согласился на присоединение к нему Кашмира. Индийский союз, действуя по просьбе как магараджи, так и этого народного лидера, согласился на присоединение к нему Кашмира на уже упомянутом мною условии. Такова вся исто-

¹ Ла здравствует!

² Ла будет проклят!

³ Индусская военная организация.

рия вопроса о присоединении, и я утверждаю — как я уже раньше сказал — что нет ничего неправильного или несправедливого в этом присоединении.

Выдвинутые представителем Пакистана аргумент и тезис базируются на утверждении, что магараджа желает уничтожения всего мусульманского населения. Трудно требовать от Совета Безопасности, чтобы он поверил в то, что магараджа — даже если и предположить, что он является одним из могущественных раджей, хотя в действительности он таковым не является — мог когда-либо подумать об уничтожении 80 процентов населения своей страны. Однако Совету Безопасности предлагается этому поверить. Такая теория является нарушением всех общепринятых правил в отношении выводов, толкования и создания определенного мнения. Нельзя себе представить, чтобы у магараджи были какие-либо планы, связанные с уничтожением 80 процентов его подданных, или что он мог вообще думать о таких планах или проводить их в жизнь.

Если бы, как это утверждалось, магараджа собирался добиться уничтожения своих мусульманских подданных, поставил ли бы он шейха Абдуллу, мусульманина и народного лидера, во главе администрации? Мы знаем, что после освобождения шейха Абдуллы из тюрьмы и после присоединения Кашмира шейх возглавил временную администрацию. Мог ли магараджа проводить политику уничтожения своих мусульманских подданных при содействии этого народного лидера, т. е. шейха Абдуллы, который сам является мусульманином? Такое положение вещей, в высшей степени неправдоподобное и преувеличенное, не может служить основой для рассмотрения данного вопроса Советом Безопасности и для принятия им соответствующего решения, как это ему предлагается сделать.

Таково в общем положение, существующее в самом Кашмире.

Представитель Пакистана сослался на имевшие, якобы, место случаи убийства почтовых служащих в княжестве Джамму и Кашмир, причем он, повидимому, имел в виду, что ответственность за эти убийства лежит на правительстве Индийского Союза. Мы отрицали, поскольку это касается Индийского Союза, факт убийства этих людей вообще, и об этом указывалось в телеграмме, на которую уже обратил внимание представитель Пакистана. В этом-то и заключается весь вопрос. Представитель Пакистана зачитал доклад, не указав его источника. В этом докладе излагаются различные факты, относящиеся к этим имевшим, якобы, место случаям убийства. Подлинность этого доклада не установлена. Нам не сообщили, кто является автором этого доклада или каким образом и из какого источника получена эта информация. При этих условиях нет оснований не принимать опровержения индийского правительства, которое основано на произведенных им расследованиях.

Представитель Пакистана много говорил о том, какую переписку княжество Джамму и Кашмир вело с правительством Пакистана, а также о том, что княжество, якобы, отказалось вести с Пакистаном переговоры по вопросу об экономических затруднениях, испытываемых княжеством Джам-

му и Кашмир. В данном случае я не собираюсь защищать линию поведения княжества Джамму и Кашмир, но я хочу отметить, что премьер-министру Кашмира в телеграмме от 20 октября 1947 года, которая была получена в Кашмире 22 октября 1947 года, было послано приглашение прибыть в Карачи для совещания с представителями правительства Пакистана. Эти даты говорят сами за себя. Не следует забывать, что 22 октября, в тот самый день, когда была получена телеграмма в Кашмире, налетчики уже проникли на территорию Кашмира и что город Музаффарабад уже был разграблен. Нельзя даже мимоходом серьезно утверждать, что Кашмир должен был бы вступить в переговоры с Пакистаном по вопросу об экономических затруднениях в тот момент, когда уже имело место вторжение в Кашмир.

Этот случай напоминает многие другие исторические случаи, например те случаи, когда г-н Бенеш и Шумниг были приглашены нацистами для ведения переговоров в то время, когда уже подготавливалось или уже фактически произошло нападение на территорию их государств. Нельзя себе представить, чтобы премьер-министр Кашмира мог бы отправиться в Карачи для переговоров в то время, когда на территории княжества происходили грабежи и сжигались дома жителей этой страны. Такого рода методы можно было бы назвать — если кто-либо заинтересован в такой формулировке — методами Пирл-Харбор.

Что касается вопроса о присоединении, то я хотел бы — если вы мне позволите еще раз вкратце коснуться этого вопроса — обратить внимание на документ, который ясно показывает, что не может быть и речи о каком бы то ни было благоприятном составленном плане присоединения Кашмира к Индийскому союзу. Однако не следует забывать, что предъявленное обвинение состояло именно в том, что якобы Индия тайно подготавливала и организовала это присоединение. Ответ на это дается в документе, подписанном главнокомандующим индийской армии генералом Р.М.М. Локкартом, маршалом военно-воздушных сил, командующим королевскими индийскими военно-воздушными силами Т. В. Ельмхерстом и контр-адмиралом королевских индийских военно-морских сил Дж. Т. С. Холлом. В этом заявлении командного состава говорится:

«Утверждалось, что якобы разрабатывались планы по отправке индийских войск в Кашмир, которая должна была якобы состояться до 22 октября, т. е. числа, когда из Абботтабада был совершен набег на это княжество.

1. Ниже излагается фактический ход событий как в отношении принятых решений, разработанных планов, отданных приказов, так и в отношении переброски войск.

2. 24 октября главнокомандующий индийской армией получил сведения, что горными племенами захвачен город Музаффарабад. Это были первые сведения относительно совершенного набега.

3. До этого числа никакие планы об отправке индийских войск в Кашмир не только не были разработаны, но даже и не намечались. Утром 25 октября нами была получена директива рассмотреть и разработать планы об отправке войск

в Кашмир воздушным и железнодорожным путем на тот случай, если окажется необходимым остановить набеги горных племен. Это было первой директивой, полученной нами по данному вопросу. До этого никаких мер по рассмотрению или разработке подобных планов не принималось.

4. Днем 25 октября нами был отправлен на самолете в Сринагар один офицер из состава индийской армии и один офицер из состава королевских индийских военно-воздушных сил. Там они встретились с офицерами кашмирских государственных вооруженных сил. Это был первый раз, когда наши штабные офицеры и офицеры кашмирских государственных вооруженных сил вошли между собой в контакт по вопросу об отправке индийских войск в Кашмир.

5. Днем 25 октября мы также отдали приказ пехотному батальону, чтобы он был в любое время готов к полету в Сринагар в том случае, если правительство Индии решит дать свое согласие на присоединение Кашмира и предоставление ему помощи.

6. Утром 26 октября упомянутые выше в пункте 4 штабные офицеры вернулись из Сринагара и доложили о проведенных ими заседаниях с офицерами кашмирских государственных вооруженных сил.

7. Днем 26 октября мы закончили составление наших планов по отправке войск в Кашмир воздушным путем.

8. Рано утром 27 октября с наступлением рассвета началась переброска воздушным путем индийских войск в Кашмир согласно подписанному кашмирскому договору о присоединении. До 25 октября, т. е. до третьего дня после начала набегов горных племен, никаких планов об отправке этих войск не составлялось и даже не намечалось».

Я утверждаю, что эти документы полностью опровергают все то, что говорилось другой стороной относительно составления предварительных планов и наличия конспирации. Произошло только следующее: после вторжения в Кашмир 22 октября и после того, как правительство Индийского Союза получило просьбу об оказании содействия, 24 и 25 октября был рассмотрен вопрос о присоединении. Решение относительно присоединения было принято 26 октября, и утром 27 октября войска были отправлены воздушным путем в Сринагар. Таков последовательный ход событий в отношении отправки войск.

Утверждалось, и по существу это послужило основанием для жалобы, что правительство Пакистана не получило извещения о предполагаемой отправке войск. На это я отвечаю, что не было никакой необходимости и никакого обязательства сообщать правительству Пакистана об отправке войск в Кашмир. В результате своего присоединения Кашмир стал частью Индийского союза. Существовала большая опасность в отношении захвата территории Кашмира, причем главному городу Кашмира угрожали грабежи и разрушение, и я утверждаю, что при создавшемся чрезвычайном положении не могло быть и речи о том, чтобы соответственно известить Пакистан или принять какие-либо предварительные меры в консультации с Пакистаном относительно отпра-

ки войск. Индийский союз, по существу, не выполнил бы своего обязательства по отношению к княжеству, которое к нему присоединилось, если бы до принятия этих мер он ждал, чтобы ему представилась возможность проконсультироваться с Пакистаном. Из-за такой консультации несомненно произошла бы задержка, которая привела бы к тому, что Сринагар был бы разграблен, так же как была разграблена Барамула за несколько дней до этого. Нельзя было терять времени и, как я уже отметил, было решено отправить войска воздушным путем.

Говорилось о том, что якобы делались неоднократные попытки урегулировать этот вопрос с Индийским союзом, но что Индийский союз отказался вести с этой целью переговоры. Такое заявление является необоснованным. В этом может убедиться каждый, ознакомившийся с корреспонденцией, составляющей часть документов, представленных Совету Безопасности. Я не намерен зачитывать всей этой корреспонденции, так как последняя уже частично была зачитана, однако из нее ясно виден тот факт, что Индийский союз неоднократно обращался к Пакистану с просьбой о том, чтобы последний сотрудничал с ним с целью изгнать из Кашмира налетчиков. Мы обратились к Пакистану с просьбой выступить с официальным заявлением, в котором он высказал бы порицание налетчикам за их действия. Мы надеялись, что такое заявление пакистанского правительства удержит налетчиков от набегов. Но такого заявления не было сделано, и пакистанское правительство не оказало нам никакого содействия. Не наш отказ участвовать в переговорах, — которого и не было, — а позиция, занятая Пакистаном, фактически помешала принять какие бы то ни было меры против проникновения в Кашмир налетчиков и, наконец, против их вторжения в Кашмир.

В докладе, представленном нами Совету Безопасности, мы указали на целый ряд определенных случаев, показывающих, что Пакистан — непосредственно или косвенно — поддерживал налетчиков. Многие из указанных нами фактов не были опровергнуты. Я напоминаю о том, что мы утверждали, что налетчикам было дано право пользоваться обслуживанием военных госпиталей. Этот факт не был опровергнут. Мы упомянули также о заявлениях, которые были сделаны относительно того, что премьер-министр Северо-западной пограничной провинции был главным организатором отрядов повстанцев-налетчиков. По этому поводу также не последовало опровержения. Наоборот, представитель Пакистана заявил, что правительство Пакистана может нести ответственность только за официальные действия и что оно не отвечает за действия некоторых из своих должностных лиц, какое бы важное положение они ни занимали, в том случае если бы они, например, приняли участие в таких мероприятиях по своей собственной инициативе, как частные граждане. Я утверждаю, что такая позиция абсолютно недопустима.

Мы также упомянули о нашем заявлении относительно сообщения, содержащего данные, представленные офицерами регулярной пакистанской армии, которые показывают, каково было истинное положение вещей. По этому поводу

также не последовало опровержения. Мы ссылались на документы, найденные у членов 16-го Пенджабского полка пакистанской армии, на что не было дано ответа. Следует напомнить, что мы упомянули о различных документах, расчетных книжках и разрешениях на право управления автомашиной, принадлежащих пакистанским гражданам и найденных у захваченных в плен или убитых налетчиков. По этому поводу был дан следующий ответ: «Пакистанское правительство не может отвечать за действия своих подданных или граждан. Если они, сочувствуя движению в Кашмире, имеющему якобы народный характер, устремляются в Кашмир, правительство Пакистана не может им в этом помогать».

В другом случае мы сослались на существование в Силкотте больших лагерей, где налетчики проходят военную подготовку и где их снабжают оружием, боевыми припасами и военным обмундированием до их отправки на фронт. Эти сведения основаны на заявлении одного из пленных. За исключением одного опровержения, которое было сформулировано весьма неопределенно и не содержало никаких подробностей, на это обвинение не было дано ответа, и ничего не было сказано по поводу некоторых замечаний, сделанных иностранными корреспондентами, причем один из них — Алан Мурхэд — состоял корреспондентом лондонской газеты Observer. Эти корреспонденты утверждали, что в Пакистане набираются бойцы для отправки их в Кашмир. По имеющимся у нас сведениям, принадлежащие налетчикам перевозочные средства ремонтируются в пакистанских ремонтных мастерских. Это является еще одним обвинением, на которое не последовало ответа.

Ввиду создавшегося таким образом положения совершенно ясно, что обвинение в прямой или косвенной помощи, которое мы выдвинули против Пакистана, в общем достаточно обосновано. Говорилось о том, что офицеры, командующие этими налетчиками и применяющие при этом обычные военные методы, отличающиеся от образа действий горных племен, набираются из числа 65 000 солдат, населяющих Пунч. Я утверждаю, что такое заявление является абсолютно необоснованным. Совершенно верно, что в Пунче имеется много бывших солдат. Но каким образом можно найти среди них достаточное число офицеров для укомплектования многочисленных отрядов налетчиков, о которых я уже упоминал? Я утверждаю, что такое большое число офицеров, необходимое для командования указанными военными частями, не могло быть набрано из бывших солдат, проживающих в Пунче, как об этом здесь говорилось.

Также говорилось о том, что пограничные горные племена не нуждаются в военной подготовке и что обученные чуть ли не с рождения носить винтовку они умеют стрелять еще будучи детьми. Это верно. Никто этого не оспаривает. Однако между умением стрелять из винтовки и воевать в рядах вооруженных отрядов — большая разница. Эти люди не имеют военной подготовки, необходимой для вооруженных сил. Они не умеют бросать гранат, стрелять из мортир, обращаться с гаубицами «3,7» пользоваться радиоприборами,

закладывать мины в мосты, взрывать дороги и т. п. Было бы бесполезным утверждать, что горные племена, умеющие обращаться с винтовками, имеют достаточную военную подготовку для того, чтобы участвовать в тех военных действиях, которые в настоящий момент имеют место в Джамму и Кашмире. Такова наша позиция по поводу происходящих в Джамму и Кашмире военных действий.

В напечатанной в лондонской газете The Times от 13 января 1948 года статье дается самая последняя оценка фактически существующего в настоящее время положения. В наиболее существенной части этой статьи имеется следующее заявление корреспондента: «Не подлежит никакому сомнению, что Пакистан неофициально участвует в предоставлении помощи налетчикам. Ваш корреспондент располагает полученными из первоисточника сведениями, что вооруженные силы Азад-Кашмира снабжаются оружием, боеприпасами и другими военными материалами. Кроме того, несколько пакистанских офицеров также помогают в командовании их операциями... Сколько бы пакистанское правительство ни отрицало факта своего вмешательства, оно несомненно оказывает моральную и материальную поддержку».

Я утверждаю, что это заявление правильно изображает позицию, которую Пакистан занял по отношению к Кашмиру, с тех пор как начались набеги, и которую он продолжает занимать и в настоящее время. Именно исходя из этой ситуации, я обратился к Совету Безопасности с просьбой принять в ближайшее по возможности время все необходимые меры для изменения создавшегося положения. Я полагаю, что мы представили Совету Безопасности все прямые и косвенные доказательства, которые необходимы для обоснования нашей просьбы о том, чтобы он дал правительству Пакистана все те директивы, которые мы требуем. Как это известно Совету Безопасности, мы требуем от него принятия мер, с тем чтобы вторгшиеся налетчики не имели права доступа на пакистанскую территорию и не могли пользоваться этой территорией, с тем чтобы им было отказано в военных и других материалах и в предоставлении различного рода помощи, с тем чтобы не допускалось участие пакистанских военных и гражданских правительственных служащих в действиях, связанных со вторжением в Кашмир. Мы, кроме того, требуем, чтобы он обратился с призывом ко всем пакистанским гражданам отказаться от участия в военных действиях в отдельных провинциях княжества Джамму и Кашмир.

Я уже резюмировал нашу позицию в целом. Я не намерен повторять чего-либо из того, что уже было мною сказано. Все то, о чем я заявил, свежо в памяти членов Совета Безопасности. Мы подчеркиваем, что создано положение, требующее принятия срочных и неотложных мер, так как трудно предсказать, какое развитие может принять военная ситуация и каким образом может расшириться этот конфликт.

Мое правительство неоднократно заверяло и еще раз заверяет Совет Безопасности, что оно заинтересовано в мирном разрешении создавшейся в Джамму и Кашмире ситуации.

С этого момента Совет Безопасности снова переходит на систему последовательных переводов.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я хочу спросить Председателя, каким образом он предлагает сейчас вести прения. Насколько я понимаю, представитель Пакистана желает еще раз выступить с ответом по поводу того, что было сказано. Так как представитель Индии выступал два раза, то я полагаю, что представитель Пакистана вполне имеет право требовать этого. Я хотел бы сделать несколько замечаний, но не хочу делать их до тех пор, пока представитель Пакистана не произнесет своей речи, если таково его намерение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Мне еще ничего не сообщили о намерениях представителя Пакистана. Быть может он любезно сообщит нам свои намерения.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): В речи, произнесенной представителем Индии, был упомянут целый ряд вопросов, в отношении которых я заявляю, что мое правительство оспаривает приведенные по этому поводу факты. С позволения Совета Безопасности я хотел бы выступить перед ним, не затягивая при этом моего выступления, и ответить представителю Индии по некоторым затронутым им вопросам, имеющим большое значение. Если Совет Безопасности этого пожелает, я могу приступить теперь же к изложению нашей точки зрения и продолжить это изложение завтра утром или днем, когда Совет Безопасности снова соберется. У меня нет необходимости просить Совет Безопасности отложить заседание, чтобы дать мне возможность подготовить мое выступление. Я могу принять все необходимые меры для проверки фактов с вечера сегодня же.

Мы горячо желаем немедленно заняться этим вопросом и перейти непосредственно к рассмотрению и разрешению всей этой проблемы. Я не столько заинтересован в представлении веских аргументов во время прений, сколько я заинтересован в том, чтобы сосредоточить мое внимание на существующих между обеими сторонами расхождениях по наиболее важным вопросам, для урегулирования которых необходимо взаимное согласие.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Ввиду всего того, что только что было сказано представителем Пакистана, вполне очевидно, что с моей стороны было бы опрометчивым выступить с речью до того, как представитель Пакистана выскажет нам свои соображения в дополнение к своему предыдущему заявлению. Быть может было бы целесообразно поступить так, как предлагает представитель Пакистана. Он мог бы приступить

к своему изложению теперь же. Если он не закончит своей речи сегодня вечером, то он может продолжать ее на заседании, которое будет созвано завтра утром. Я предлагаю следовать этой процедуре.

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Мне представляется, что сегодня было произнесено достаточно речей. Становится поздно. Я предпочел бы, чтобы Совет Безопасности закрыл сегодня свое заседание и чтобы мы выслушали на следующем заседании заявление, которое будет сделано представителем Пакистана. Он не должен прерывать своего заявления, ни разделять своей речи на две части. Если его речь будет разделена на две части, то мы на заседании завтра можем позабыть то, что он может сказать нам сегодня вечером. Было бы предпочтительно, чтобы его речь не была прервана. Я, поэтому, предлагаю закрыть заседание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Имеются ли возражения против закрытия заседания? Если возражений не имеется, то я назначу дату созыва следующего заседания. Уже поступило предложение созвать заседание завтра утром.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Быть может Совет Безопасности мог бы собраться завтра в 10 часов утра? В этом случае заседание фактически могло бы начаться точно в 10 ч. 15 м. утра.

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я не думаю, что Совет Безопасности сможет собраться раньше, чем в обычное время, т. е. в 10 ч. 30 м. утра. Нет никакой необходимости менять наши уже давно установившиеся порядки.

Мне кажется, что г-н Ноэль-Бейкер хотел бы сократить время своего пребывания с нами, сделав его возможно более коротким, тогда как я, наоборот, хочу его продлить.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я не настаиваю на том, чтобы заседание было созвано в 10 ч. 15 м. утра. Я скажу, что чем дольше я буду находиться в контакте с представителем Сирии, тем это доставит мне больше удовольствия. Однако рассматриваемая нами проблема — весьма срочная проблема. В данном случае я хотел бы только, чтобы мы не помешали Председателю Совета Безопасности и обеим заинтересованным делегациям избежать необходимости работать в течение субботы и воскресенья.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Если не имеется возражений, то наше следующее заседание состоится завтра утром в 10 ч. 30 м. утра.

Заседание закрывается в 5 ч. 45 м. дня.